

Обзоры. Рецензии

УДК 94(47).027(092)(045)

В.В. Пузанов

ВЛАДИМИР МОНОМАХ И РУССКОЕ ОБЩЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ

Монография А. С. Ищенко, анализируемая в данной статье, посвящена проблеме эволюции образа Владимира Мономаха в русском общественно-историческом сознании. Автор, на основе широкого круга письменных и изобразительных источников, тщательного анализа историографии, создал впечатляющий по хронологии и охвату материала труд: первую попытку комплексного анализа образа Владимира Мономаха как значимого феномена русского общественно-исторического сознания, «опорного пункта» национальной исторической памяти. А. С. Ищенко удалось убедительно показать, что образ Владимира Мономаха, отраженный в источниках – это продукт «многих сотен лет русской истории», изменявшийся по мере социальных и культурных трансформаций в обществе и появления новых интерпретаций истории. Вместе с тем нельзя согласиться с выводами автора о том, что научные представления о Владимире Мономахе характерны для современной историографии, тогда как в трудах предшествующего времени доминировал мифологический образ князя. Корректнее вести речь о постепенном накоплении исторических знаний, об уровне развития науки на том или ином историческом этапе, о том, что «каждое поколение пишет свою историю».

Ключевые слова: А. С. Ищенко, Владимир Мономах, общественно-историческое сознание, национально-историческая память, мифологический образ, научные представления.

В 2014 г. вышла монография молодого ростовского исследователя А. С. Ищенко «Владимир Мономах в русском общественно-историческом сознании: мифологический образ и историческая реальность» [2]. В основе издания – кандидатская диссертация автора, написанная под руководством Л. В. Мининковой и защищенная в 2013 г. в Южном федеральном университете [1].

Проблему эволюции образа Владимира Мономаха в русском общественно-историческом сознании А. С. Ищенко рассматривает на огромном хронологическом отрезке – с конца XI в. до настоящего времени. Актуальность и научная значимость исследования не вызывают сомнений. С одной стороны, сам феномен общественного исторического сознания, как неотъемлемой части этнокультурной традиции, на разных уровнях, отражает особенность исторической идентичности народа – тему новационную и перспективную. С другой, феномен Владимира Мономаха, не оставивший равнодушными ни современников, ни потомков, как один из важнейших узлов исторической памяти, связывающий воедино исторические эпохи и поколения, ставший символом высокого служения Отчизне. Тем самым Мономах (или его образ) реализовали на практике древнерусские представления о том, что князь заботится о благе вверенного ему народа и земли даже после своей смерти. Наконец, автором поднимается еще одна важнейшая для исторической науки тема, связанная с осмыслением места и роли мифологического образа в общественно-историческом сознании. Тема, которая в последнее время вызывает все более пристальный интерес и рассматривается не только с проблемно-исторической, но и с теоретической точек зрения. Всё вышесказанное свидетельствует о том, что работа А.С. Ищенко следует в русле новейших исследовательских тенденций и направлена на получение качественно нового знания.

Методологическая составляющая исследования основывается на синтезе различных систем исторического познания и является оптимальной для решения поставленных в работе задач. Рассматривая научное историческое познание как понимание человека и общества прошлого, культуры изучаемого времени, реализуемое через выраженный А. С. Лаппо-Данилевским методологический принцип признания чужой одушевленности, А. С. Ищенко опирается на те методы исследования (историко-генетический, историко-сравнительный, социального анализа), которые позволяют представить русское историческое сознание как длительный культурно-исторический процесс, проанализировать воздействие его на разные стороны более поздней отечественной духовной культуры, объяснить механизм взаимодействия мифологизированного образа с реальной действительностью. В результате заявленные методы исторического анализа включаются в исследовательский процесс, «работают» на достижение цели.

Особый интерес представляет предпринятая А. С. Ищенко попытка междисциплинарного исторического синтеза, стремление в рамках поставленной им проблемы расширить исследовательское поле историка реконструкцией смысловой нагрузки текстов культуры, понять причину возникновения мифологических образов, их сущность и эволюцию. Нельзя не отметить авторское видение и оригинальное применение подобного научного синтеза с учетом базовых принципов историзма, достоверности и объективности.

Важное внимание уделяется терминологии исследования, в частности анализу таких понятий, как «миф»¹, «мифологизированный образ», «историческое сознание». Отмечая различную общественную значимость мифов, А. С. Ищенко справедливо относит мифологизированный образ Владимира Мономаха к имеющим общенациональное культурное значение [2. С. 27-29, 270], «составляя одну из довольно заметных основ русского общественно-исторического сознания в течение длительного времени их развития» [2. С. 270].

А. С. Ищенко рассматривает эволюцию мифологизированного образа Владимира Мономаха в двух исторических эпохах (средневековье и раннее новое время /XII–XVII вв./; новое и новейшее время /XVIII – нач. XXI в.). Постсоветская историография феномена Владимира Мономаха анализируется отдельно в третьей главе.

В рамках выделенных периодов материал систематизируется и анализируется по отдельным источниковым блокам: летописи, авторские произведения Владимира Мономаха, агиография, памятники светской нелетописной литературы XIII–XVI вв., художественная литература, живопись, монументальное искусство, труды историков).

Общая концептуальная канва монографии представлена в следующем виде. В летописных статьях периода княжения Всеволода Ярославича Мономах еще «остаётся на периферии политической сцены... и не вызывает у летописца особого к себе отношения» [2. С. 34-35]. После кончины Всеволода ситуация меняется, начинает формироваться мифологический образ Владимира, чему немало способствовали и его собственные сочинения. К сер. XIII в. этот миф уже сложился [2. С. 35-89, 124, 270-271 и др.]. В дальнейшем он претерпел «существенную эволюцию» в контексте социально-политического развития страны. По мере эволюции власти московских правителей эволюционирует и образ Владимира Мономаха, который «становится династическим и самодержавным символом», а в царствование Ивана Грозного – «одним из базовых персонажей политико-идеологической системы организации и самоидентификации Российского монархического царства». С пресечением династии Рюриковичей и утверждением новой династии, интерес к Владимиру Мономаху в XVII в. «значительно ослабел» [2. С. 94-121, 271-272].

По мере становления исторической науки образ Владимира Мономаха становится разнообразнее. Но и в трудах историков XVIII – нач. XX в., «являясь зависимым от летописной традиции, политических взглядов и разделяемых теорий, он предстает в мифологизированном свете», независимо от того, придерживался ли конкретный исследователь апологетического или критического подхода в оценке деяний князя [2. С. 128-157, 228, 272]. Советские историки² формировали образ Мономаха с позиций классового подхода [2. С. 122-166] (для них Владимир Мономах «был, прежде всего, феодалом, но, как правило, одним из лучших представителей этого класса» [2. С. 228]) и под влиянием «советской великодержавной доктрины» [2. С. 272]. Согласимся с автором в том, что образ Владимира Мономаха «в значительной степени зависел от культурно-исторической и общественно-политической ситуации в стране в конкретный период развития исторической мысли и исторической науки» и что мифологизации князя (только с обратным знаком) не избежала критическая по отношению к нему историография [2. С. 153-156, 228].

Представляет интерес наблюдение автора о соотношении общенациональных и локальных мифов и связанных с этим особенностях изображения Владимира Мономаха историками отдельных русских земель, с которыми была связана его деятельность. Если в трудах исследователей, изучающих Чернигово-Северскую землю, с князьями которой Владимир находился в конфликте, Мономах предстает в негативном свете, то для исследователей истории «Переяславльской земли, которая была

¹ В монографии уточняется авторское понимание мифа: «Под мифом имеется в виду не только фантастическое представление, относящееся к образу или сюжету прошлого, но и вполне реалистичные, но намеренно искаженные или привнесенные извне черты» [2. С. 27]. Ср.: «Под мифом имеется в виду фантастическое представление, относящееся к образу или сюжету прошлого» [1. С. 20].

² За исключением И. Я. Фроянова [2. С. 167].

отчиной Мономаха, и которую он оборонял от половцев, он герой, безусловно, положительный» [2. С. 146-149]. Тем самым А. С. Ищенко приоткрывает одну из «сакральных сторон» творческой лаборатории историка – обаяние предметом исследования. Отмеченное наблюдение автора следовало бы распространить и на историков Киевской земли, что собственно и напрашивается из его дальнейшего изложения точки зрения М. С. Грушевского [2. С. 149-152]. Но здесь автору важнее подчеркнуть, что М. С. Грушевский, который был «не только историком, но и политиком... описывал черты политического лидера, который нужен современной ему Украине» [2. С. 152]. Вывод интересный, но спорный, более применимый к ситуации 1917–1918 гг., на которые пришелся пик политической карьеры украинского историка и попытки создания Украинского государства. Но «Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия», который анализирует А. С. Ищенко, был написан М. С. Грушевским еще в студенческие годы, на III курсе, до начала его активной политической деятельности. И ситуацию не меняет замечание автора о том, что «в целом, такой же точки зрения на деятельность Владимира Мономаха Грушевский придерживался» и в более поздних работах [2. С. 152].

Еще более яркие образцы мифологической апологетики Владимира Мономаха, согласно исследованию А. С. Ищенко, представлены в художественной литературе и изобразительном искусстве [2. С. 194-227]. Важен вывод автора о том, что «созданные живописные и монументальные образы князя выражали особенности духовной культуры, общественно-исторического сознания своего времени» [2. С. 227].

В целом А. С. Ищенко верно отмечает изменение современной историко-культурной ситуации в лучшую сторону в плане предпосылок для более объективного осмысления историками феномена Владимира Мономаха: «Изменение историко-культурной ситуации в конце XX в. создало в исторической науке предпосылки для пересмотра мифологизации Владимира Мономаха. В условиях отсутствия монологизма в теории, использования достижений западноевропейской историографии с заметным усилением культурно-антропологической направленности исторических исследований наметился отказ от односторонне позитивного или, напротив, негативного понимания личности и деятельности Владимира Мономаха» [2. С. 273]. В то же время сами по себе предпосылки еще не гарантия качественных изменений в изучении конкретной темы. Эти изменения следует выявить, и общих утверждений (типа: «отказ от одностороннего классового подхода», «плюрализм теорий и подходов», использование методологических принципов «западноевропейской историографии», более объективная характеристика личности и деятельности Мономаха, стремление к переосмыслению деятельности князя, образ Владимира «предстает более богатым и разнообразным», многогранным, более жизненным, не лишенным противоречий и т. п. [2. С. 231, 268-269, 273]) здесь не всегда достаточно³. Методологические новации, указанные автором, сомнений не вызывают. Но как они отражаются на реконструкции образа Владимира Мономаха современными историками, не совсем понятно. В этой связи особый интерес представляют выводы А. С. Ищенко о том, что образ Владимира Мономаха в трудах современных исследователей «предстает более богатым и разнообразным. Это и образ князя как племенного вождя прошлого, и мудрого политика, и выдающегося государственного деятеля – борца за сохранение единства Руси великого полководца; просвещенного и талантливого писателя, в полной мере использовавшего свои таланты для формирования своего “имиджа”; примерного христианина» [2. С. 268]. В представленном виде, однако, данный перечень традиционен и для предшествующей историографии.

На таком зыбком фундаменте зиждется жесткое противопоставление современного и предшествующего этапов развития отечественного «мономаховедения». Показательно само название третьей главы «Критика мифологического образа и **научное представление** [выделено мною. – В. П.] о Владимире Мономахе»⁴. Корректность названия последней главы, равно как и противопоставление постсоветской историографии предшествующей, поставленной, фактически, в один ряд со средневековой донучной традицией, вызывают у нас серьезные сомнения.

В этой связи, читая очередной панегирик современной историографии («Нынешняя историографическая ситуация, для которой характерен плюрализм теорий и подходов, опора на совокупный исследовательский опыт, в том числе методологические достижения западноевропейской историографии, позволяет современным историкам более объективно писать о Мономахе, характеризовать его личность и деятельность» [2. С. 231]), в очередной же раз задаешься риторическим вопросом:

³ Впрочем, автор оговаривается: «В популярных изданиях фигура Владимира Мономаха предстает в мифологизированном свете и сегодня. Ярким примером тому могут служить работы А. Ю. Карпова...» [2. С. 170].

⁴ Уже из самого названия следует, что до 1990-х гг. в историографии было ненаучное представление о Владимире Мономахе.

«Опора на какой именно “совокупный опыт” имеется ввиду, если до этого процветало мифотворчество»? Ведь «попытки демифологизации», предпринимавшиеся до 1990-х гг., по словам автора, «как правило, оказывались и ее новой мифологизацией» [2. С. 232-233]. А если учесть авторское понимание мифа⁵, то получается, что исследователи, вплоть до 1990-х гг., «намеренно искажали» образ Владимира Мономаха?

Такие серьезные характеристики предшествующей историографии, выводящие ее, фактически, за рамки научного поля изучения Владимира Мономаха, требуют серьезного обоснования. Необходимо в этой связи показать, чем реально отличаются современные работы от работ предшествующего времени, что позволяет характеризовать одни как мифологизированные (ненаучные), а другие – как научные? Что, например, изменилось в работах того же М. Б. Свердлова 1990-х – нач. 2000-х по сравнению с его трудами 1970–80-х гг.? В методологическом плане (а это наиболее обоснованная составляющая в доказательствах А. С. Ищенко, в плане противопоставления современного и предшествующего этапов развития историографии) – практически ничего [см.: 8. С. 144-169; 9. С. 149-153, 164]. Фактически, речь можно вести о косметических, терминологического характера, изменениях в творчестве исследователя. Не видим мы прорывов его и в мономаховедении, что отражается и в выводах А. С. Ищенко: «Подводя итог княжению Мономаха Свердлов признал достоверным» утверждения киевского летописца, автора «посмертной похвалы князю», о «братолюбии» Владимира, о том, что тот был «добрым страдальцем за Русскую землю». Согласился, как отмечает А. С. Ищенко, М. Б. Свердлов и с реальностью образа «князя-нищелюбца» [2. С. 245]. Что здесь нового, где принципиально новое «научное знание», отличное от якобы мифотворческих постулатов прежних лет? Не меняет принципиально ситуации и такая оценка: «Но вместе с тем, Мономах, как замечал Свердлов, не забывал и “политические и территориальные выгоды своей династической ветви”» [2. С. 245]. И эти выводы М. Б. Свердлова не отличаются ни оригинальностью, ни новизной, выходящей за рамки предшествующей историографической традиции.

Преимущество современной историографии перед предшествующей А. С. Ищенко не столько доказывает, сколько постулирует. Этим, в определенной степени, отдается дань известному отечественному тренду, характерному и для политической культуры и, в известной степени, для историографии, согласно которому «раньше всё было плохо, зато сейчас...». В общем, как в той старой доброй песенке А. Д. Флейтмана, уже неоднократно дополненной и переделанной: «А мы по-прежнему всё движемся вперед, узнаем правду, если кто-нибудь помрёт, на то она История, та, самая, которая ни слова, ни полслова не соврёт!»⁶.

Впрочем, автор сам понимает условность и натянутость своих выводов и реверансов в сторону современной историографии и оговаривается: «Для современного же этапа развития исторической науки, не являющегося в этом плане революционным⁷, тем не менее, замена старых мифологем научным знанием, нежели новыми мифологемами, характерна в значительно большей степени» [2. С. 232]. Но вопрос о том, где эта «значительно большая степень», как бы там ни было, остается без ответа.

Отметим, что отдельные недоработки и спорные места монографии определяются сложностью и многоплановостью самой темы исследования – «Мономах в русском общественно-историческом сознании: мифологический образ и историческая реальность». При этом «мифологическому образу» уделено гораздо больше внимания, чем «исторической реальности», которая даже «ушла» из цели исследования, сформулированной А. С. Ищенко («*Цель исследования* – комплексный анализ мифологических основ в образе Владимира Мономаха, сформировавшемся в русском историческом сознании, его складывания, эволюции и научной критики» [2. С. 24]). Как следствие, читатель задается вопросом: Каков же реальный облик Мономаха, чем он отличается от мифологического образа? Каково мнение автора монографии на этот счет? А. С. Ищенко попытался дать ответ на этот сложный вопрос: «...говорить о реальных чертах Мономаха можно в пределах представлений о нем как типичном представителе своей эпохи и культуры. Представление о реальности Владимира Мономаха определяется поэтому его местом в борьбе с половцами, участием в княжеских съездах, ролью в прекращении восстания 1113 г. в Киеве и, несомненно, вкладом его в развитие “Русской Правды”». То же самое – стремление его к воспитанию в сыновьях черт и качеств, необходимых для князя, что видно из его

⁵ «Под мифом имеется в виду не только фантастическое представление, относящееся к образу или сюжету прошлого, но и вполне реалистичные, но намеренно искаженные или привнесенные извне черты» [2. С. 27].

⁶ Подобное положение дел в историографии, например, подтверждается в отношении к некогда всесильному Б. А. Рыбакову [10. С. 424]. А. С. Ищенко также не избежал соблазна «пнуть павшего льва» [2. С. 166].

⁷ Здесь автор не последователен в своих оценках, поскольку переход от мифологизированного образа к научно-мифу, имея он место в действительности, несомненно, являлся бы революционным.

“Поучения”. Всякий же выход за пределы этих строго очерченных рамок, стремление представить его или в качестве создателя русской монархии в “шапке Мономаха”, или как вотчинника с чертами феодала-эксплуататора выходит за рамки строго очерченной в источниках реальности, представляет собой видимый домysel и, соответственно, мифологизацию его исторического образа» [2. С. 267-268].

В общих чертах рассуждения автора следуют, как мы считаем в верном направлении, но они не решают сложнейшей проблемы разделения мифологической и исторической составляющих образа Владимира Мономаха. Фактически, А. С. Ищенко предлагает исследователю втиснуться в прокрустово ложе свидетельств источников и не выходить за эти рамки. Но как быть тогда с его же утверждениями, что мифологизация образа князя начинается уже в самих этих источниках? Как оценивать роль князя в борьбе с теми же половцами? Или его позицию на княжеских съездах? Слепо следуя за источниками? Ведь любая попытка критического истолкования сведений источников, равно как и попытка следовать в их русле, может быть интерпретирована как мифологизация, с чем читатель неоднократно и встречается на страницах рецензируемой монографии. Не всё так просто и с событиями 1113 г., и с Русской Правдой, да и с «Поучением». Здесь вклад Владимира Мономаха неоспорим. Но этот вклад вполне может быть подвержен мифологизации, в чем убеждает историография вопроса и о чем, собственно, неоднократно упоминает сам А. С. Ищенко.

Понимаю, что ответить убедительно на поставленные вопросы архисложно, если вообще (в смысле – *убедительно*) возможно. Но автор сам эти вопросы поставил. И если не обозначить авторскую грань (понятно, что, в значительной степени, условную), разделяющую мифологическую и историческую составляющие, то тогда любую точку зрения, касающуюся Владимира Мономаха, можно подвести под мифологизацию со знаком плюс или минус.

От некоторых заключений веет архаизмом. Ну, кто из современных исследователей будет вести речь о Мономахе как основателе русской монархии? Тем более давно решен вопрос и с отношением Владимира к «шапке Мономаха», но с чем, безусловно, нельзя не согласиться, так это с тем, что «говорить о реальных чертах Мономаха можно в пределах представлений о нем как типичном представителе своей эпохи и культуры» [2. С. 267]. Впрочем, я бы убрал слово «типичном»: Владимир, будучи сыном своего времени, все же, выделялся на общем фоне не только древнерусского населения, но и князья⁸.

Ответить на поставленный вопрос сложно и потому, что историческое знание субъективно. Как справедливо отмечал А. С. Ищенко, «интерес к теме Владимира Мономаха в отечественной литературе составляет прямое отражение интереса к историческому образу князя в массовом историческом сознании, своеобразной частью которого являются сами творцы этого образа. В этой связи не удивительно, что литературный образ Владимира Мономаха несет в себе черты мифологической апологетики, соответствующей не только представлению о нем в массовом историческом сознании, но и в исторических трудах разного времени» [2. С. 194].

Тем не менее, когда речь идет о мифе и исторической реальности, важен собственный взгляд автора на проблему. Законы жанра требуют от автора более полного обобщения полученных результатов, более четкого представления, какие черты в мифологизированном образе Владимира Мономаха основаны на реалиях и какие – нет. Помимо процитированного отрывка, отдельные рассуждения автор делает по ходу анализа ряда источников (прежде всего – XIV–XVI вв.), но этого, на наш взгляд, недостаточно.

Можно выделить и другие факторы, препятствовавшие А. С. Ищенко более убедительно ответить на вопрос о соотношении мифологического и реального в образе Владимира Мономаха. Монография сильна историографическими реконструкциями, фактами. В обобщениях же и выводах она не столь убедительна, поскольку они, нередко, исходят не столько из установленных фактов, сколько из заранее выработанной идеи. Как отмечено выше, фактически, функцию выявления исторических реалий в образе Мономаха (несмотря на признание, что попытки демифологизации предпринимались и ранее: В. О. Ключевский, А. Е. Пресняков, Н. А. Рожков, А. С. Лаппо-Данилевский, М. Д. Приселков, Б. А. Романов, Д. С. Лихачев и др.) А. С. Ищенко отводит современным историкам. Но всё станет на свои места, если в трудах историков XIX–XX вв. мы увидим научные реконструкции, а не попытки мифологизации образа князя. Отпадут сразу многие вопросы к автору, а он сможет освободиться из самолично созданной логической ловушки.

Несмотря на завышенные оценки современной историографии, А. С. Ищенко справедливо отмечает, что «работа по научной реконструкции его [Владимира Мономаха. – В. П.] биографии до сих пор не завершена» [С. 269].

⁸ В том числе и особыми связями с византийским правящим домом, позволявшими ему вести свою генеалогию и по материнской линии (в нарушение русских традиций) от императора Константина IX Мономаха (см.: [7. С. 22]).

Полемика с автором отражает другое видение рецензентом проблемы, что не умаляет большой и продуктивной работы, проделанной А. С. Ищенко. Начиная тогда еще исследователь (не будем забывать, что перед нами, с незначительными доработками, текст кандидатской диссертации) вполне зрело решает поставленные перед собой задачи. При этом он продолжает развивать тему и в плане расширения предмета исследования, и в совершенствовании собственного видения проблемы [3-7]. Это позволяет надеяться, что в обозримом будущем мы увидим улучшенный вариант рецензируемой монографии, ставшей важным вкладом в отечественное «мономаховедение».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ищенко А. С.* Владимир Мономах в русском общественно-историческом сознании: мифологический образ и историческая реальность: дисс. к. и. н. 07.00.09. Ростов-на-Дону, 2013. 257 с.
2. *Ищенко А. С.* Владимир Мономах в русском общественно-историческом сознании: мифологический образ и историческая реальность. Ростов-на-Дону: Алтей, 2014. 276 с.
3. *Ищенко А. С.* Почитание Владимира Мономаха в церковной литературе // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Παλαιόρωσσία: εν χρόνω, εν προσωπω, εν ειδει. Альманах. Вып. 4 / под ред. д.и.н. П. И. Гайдено. СПб.; Казань, 2015. С. 100-111.
4. *Ищенко А. С.* Владимир Мономах в российской и украинской исторической памяти // Новое прошлое. 2016. № 2. С. 173-189.
5. *Ищенко А. С.* Владимир Мономах глазами современников и потомков: формирование и эволюция мифологического образа // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2016. № 5. С. 23-29.
6. *Ищенко О. С.* Візантійська спадщина Володимира Мономаха в історичній пам'яті // УІЖ. 2016. № 1. С. 21-37.
7. *Ищенко О. С.* Володимир Мономах в українській історичній пам'яті // УІЖ. 2015. № 1. С. 11-25.
8. *Никонов С. А., Чебаненко С. Б.* Древняя Русь в исследовании М. Б. Свердлова // ROSSICA ANTIQUA. 2010/1. С. 144-169.
9. *Пузанов В. В.* О спорных вопросах изучения генезиса восточнославянской государственности в новейшей отечественной историографии // Средневековая и новая Россия: К 65-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова / Отв. ред. В. М. Воробьев, А. Ю. Дворниченко. СПб.: Изд-во СПб.-го ун-та, 1996. С. 148-167.
10. *Пузанов В. В.* Химеры в кривом зеркале историографии // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2017. Т. 62, вып. 2. С. 418-432.

Поступила в редакцию 20.04.17

V.V. Puzanov

VLADIMIR MONOMAKH AND RUSSIAN SOCIAL-HISTORICAL CONSCIOUSNESS

The monograph of A. S. Ishchenko, analyzed in this article, is devoted to the problem of evolution of the image of Vladimir Monomakh in the Russian social and historical consciousness. The author, based on a wide range of written and pictorial sources, a careful analysis of historiography, created an impressive work in chronology and coverage of the material: the first attempt of a comprehensive analysis of the image of Vladimir Monomakh as a significant phenomenon of Russian socio-historical consciousness, a "stronghold" of national historical memory. A. S. Ishchenko was able to convincingly show that the image of Vladimir Monomakh, reflected in the sources, is the product of "many hundreds of years of Russian history", changing with social and cultural transformations in society and the emergence of new interpretations of history. At the same time, one can not agree with the author's conclusions that scientific ideas about Vladimir Monomakh are characteristic of modern historiography, whereas in the works of the preceding period the mythological image of the prince dominated. It is more correct to talk about the gradual accumulation of historical knowledge, the level of development of science in this or that historical stage, that "every generation writes its history."

Keywords: A. S. Ishchenko, Vladimir Monomakh, socio-historical consciousness, national historical memory, mythological image, scientific concepts.

Пузанов Виктор Владимирович,
доктор исторических наук, заведующий кафедрой
истории России
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 2)
E-mail: vvpuzanov@gmail.com

Puzanov V.V.,
Doctor of History, Professor, Head of the Department
of Russian History
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/2, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: vvpuzanov@gmail.com